Гражданская война на Севере глазами очевидца Платона Лопарева

Автор: Волженина С.Ю.

Вводная аналитическая статья

В ноябре 1917 года Октябрьская революция изменила государственный строй и привела к установлению в России власти рабочих и крестьян. Территория современной Югры с большим опозданием «догоняла» изменение политического строя. Советская власть на территории Югры была установлена в течение марта – апреля 1918 года, с постепенной сменой органов Временного правительства Советами. Однако, уже летом – в начале осени 1918 года в Сибири развертывается Гражданская война. Власть переходит в руки Верховного правителя России А. В. Колчака. Большинство населения индифферентно отнеслось к происходившим изменениям, однако, вернувшиеся домой фронтовики и политические ссыльные были недовольны властью и собирали антиколчаковские силы для восстановления власти Советов.

Одним из героев этого исторического периода был фронтовик, партизан Платон Лопарев – фигура, которую советская историография значительно мифологизировала и героизировала. Историки советского периода характеризовали его как руководителя партизанского движения на Обско-Иртышском Севере. Выходец из крестьянской среды, родился в с. Самарово (ныне – Ханты-Мансийск), благодаря своему известному дяде – Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву, византиеведу, исследователю древнерусской литературы и автору первого краеведческого исследования об истории села «Самарово, село Тобольской губернии и округа» (1892, 1896), окончил курс в Тобольском городском училище, а затем в Омском механико-техническом училище. В формировании его политических взглядов ключевую роль сыграло участие в I мировой войне. Один из исследователей его биографии А.Б. Гамбаров так описывает настроения П. Лопарева в этот период: «Тяжелые условия службы в царской армии, ужасы империалистической войны на многое раскрыли ему глаза. Как и миллионы солдат,

он понял, что рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели, должны помочь трудящемуся люду свергнуть власть буржуазии и покончить с империалистической бойней»[1].

За свою короткую жизнь (1890 – 1938 годы), Платон Лопарев участвовал в Гражданской войне, после войны все усилия направил на развитие родного края: участвовал в создании кооперации, становлении пушного звероводства и рыбного хозяйства, возглавив окружной Интегралсоюз. В период политических репрессий попал под чистку по делу управляющего Обским государственным рыбным трестом Н. Угланова и был расстрелян.

Историография как гражданской войны на Обь-Иртышском Севере, так и участия в ней П.И. Лопарева довольно обширна и может быть сгруппирована следующим образом:

1950 – 1970-е годы: празднование юбилеев Октябрьской революции вызвало интерес к событиям становления советского государства и фигурам, которые соответствовали идеалу революционного бойца. П.И. Лопарев хорошо вписывался в образ борца за советскую власть, ему были посвящены работы И.А. Иванова[2], А.Б. Гамбарова и других. Факт его политической неблагонадежности исследователями умалчивался, вот так об этом факте писал А.Б. Гамбаров: «Славная жизнь Платона Ильича Лопарева прервалась в 1938 году»[3]; мало того, в 1957 году он был реабилитирован.

1980 – 1990-е годы: если поначалу герой был интересен местным исследователям в контексте исследований истории гражданской войны (Ю. Прибыльский[4], Ф. Показаньев, И. Захаров и другие), то позднее на волне гласности и плюрализма мнений появляются исследования, посвященные другим областям его деятельности (кооперация, звероводство, краеведение и др.). Особый интерес на волне массовой реабилитации невинно осужденных, вызывали вопросы гибели П. Лопарева (Р. Гольдберг[5], А. Петрушин[6], В. Патранова[7] и другие). Публикации исследователей формируют не «картонный» образ революционного героя, П.И. Лопарев начинает обрастать чертами живого человека. Так пишет о своем герое и процессах дегероизации Ю. Прибыльский: «Жизнь талантливого самородка,

скоротечная и бурная, как внешний поток, была злонамеренно прервана в пору его творческой зрелости и предана официальному забвению на многие лета – вплоть до пришествия так называемой «оттепели»[8].

2000-е годы: исследованием истории Гражданской войны и фигуры П.И. Лопарева занимаются региональные вузы: Нижневартовский и Сургутский педагогические институты и Сургутский государственный университет. Исследование и трактовка событий Гражданской войны периода 1919 – 1920-х годов В.В. Цыся[9] (Нижневартовск) основаны на рукописи П. Лопарева «История гражданской войны на Севере в 1918 – 1920 гг.» и легли в основу последнего масштабного труда по истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – «Академической истории Югры»[10]. Исследователи отказываются от приписывания П. Лопареву роли организатора партизанского движения: «Скорее всего, истина лежит посредине между этими точками зрения. П. И. Лопарев обладал недюжинными организаторскими способностями и ораторским талантом, что не могло не привлекать к нему симпатии будущих партизан. Сам принцип управления отрядом показывает, что П. И. Лопарев не являлся в нем единственным и безусловным лидером»[11].

В Государственном архиве Югры (Фонд 1. Опись 1. Дело 1) хранится неопубликованная, однако используемая многими исследователями истории Гражданской войны, рукопись П. Лопарева «История гражданской войны на Севере в 1918 – 1920 гг.»[12]. В рукописи Платон Ильич рассказывает о событиях восстановления Советской власти, непосредственным участником которых он стал. Воспоминания позволяют не только восстановить ход событий, но и детали, в советской историографии умалчивавшиеся, поскольку не подпадали под общепринятый стандарт описания героических событий. Воспоминания Платона Лопарева практически не приводят описаний вооруженных столкновений, но изобилуют примерами методов партизанской войны. Дезинформация и, в определенной степени, авантюризм, были главными методами партизан, а главным инструментом стал телеграф, который позволял как поддерживать связь между

партизанскими соединениями, так и дезинформировать противника, тем самым избегать прямых военных столкновений.

Автором описаны жестокие страницы террора, ушедшие из социальной памяти, что подтверждает, в частности, факт исчезновения с карты Ханты-Мансийска братской могилы и памятника красногвардейцам с «баржи смерти», которые были расстреляны на берегу Иртыша при отступлении армии Колчака.

Несомненным достоинством рукописи является очевидный литературный дар автора, что позволяет рассматривать рукопись и как литературный памятник периода Гражданской войны. Мало того, демонстрирует так называемый «революционный язык», характеризующийся особой экспрессией, новыми словами и языковыми выражениями. Несмотря на субъективность мемуаров, они позволяют более детально и глубоко описать детали событий периода Гражданской войны.

П. Лопарев «История гражданской войны на Севере в 1918 – 1920 гг.» (фрагмент)

«[События, происходившие в] 1918-19-20 годах, слабо отображены документами и [воспоминаниями] мало[численных] оставшихся в живых непосредственных участников, в силу чего этот период наиболее часто искажается последующими исследователями. Подобное положение событий требует и времени и сбора дополнительных материалов на местах. За неимением этих возможностей приходится ограничиться кратким перечнем событий, несколько развернув период 1919-1920 года и по которому положение подтверждается сохранившимися у меня документами.

Настоящий краткий обзор революционных событий на Севере, конечно, не претендует на полноту их и ни в какой степени не является исчерпывающим. Его назначение [не дать стереть] в памяти жуткие и славные периоды страданий, борьбы и побед рабочего класса и трудового крестьянства на Тобольском Севере/Лопарев/.

Империалистическая война [19]14-17 годов потребовала колоссального количества солдат - «серой скотинки», «чернозема», «навоза» и т.д., поставленных

на «пушечное мясо» почти исключительно из рядов рабочих и крестьян, путем непрерывных мобилизаций.

Нужда в человеческом материале в последние годы империалистической бойни достигла таких размеров, что царское правительство прибегало к исключительным мерам мобилизации всех мужчин до 45-летнего возраста и мобилизации русского населения в Берёзовском и Сургутском уездах б[ывшей] Тобольской губернии и реки Конды – явления небывалого в жизни народов Севера.

Совершенно очевидно, что эти массы трудового крестьянства сыграли потом в революционный период решающую роль в завоевании Советской власти на Севере. Особенное значение в революционном движении на Севере имели мобилизованные из туземных районов Берёзовского и Сургутского уездов.

Здесь туземное население (остяки), пользовавшиеся вотчинным правом (вотчинники), и по наибольшей легкости подчинения купцам, кулачеству, начальнику и шаманам, долго шло на поводу у последних и оказывало упорное, не только пассивное, но и вооружённое сопротивление революционным и военным мероприятиям Советов. Великолепные лыжники и знатоки мест, тайги и тундры, хорошие охотники и неплохие стрелки, имеющие незаменимое средство продвижения – оленей, они причиняли продвижению Советской власти на Севере немало хлопот, приняв и в 1921 году почти поголовное участие в кулацком восстании. Ясное дело, что ими руководили и посылали на бойню купцы, кулаки, шаманы и др. контрреволюционный сброд, пользуясь их темнотой, малокультурностью и игрой на национальных чувствах, но все это не уменьшает их организованного противодействия. Особо выдающуюся помощь от них имели все контрреволюционные группировки при использовании туземцев в разведывательной службе, – тут они мало уступали и местным партизанам – охотникам. Лучшие партизаны все же оказались более выносливыми лыжниками, что наряду с их боевой сноровкой, огневой дисциплиной и пониманием задач революции и дало в 1919 и 1921 году быстрый и решительный поворот оперативным действиям красных партизан и Красной Армии.

Запомним, что в империалистической войне участвовало много крестьян и рабочих (батраки, «крестьяне» и т.д.) с бывшего Тобольского Севера, революционирующие же последствия империалистической войны известны. Известно также и то, что сибиряки царским правительством формировались главным образом в стрелковых полках, в пехоте и что их не меньше других держали в [окопах] и бросали на прорывы. Наиболее пострадавшие, они крепко восприняли основные зёрна революции и вместе с демобилизованными потоком разнесли их по самым глухим углам Сибири и Уральского Севера.

Немедленно с их возвращением, на местах началась ожесточенная классовая борьба. Обросшие, оборванные, грязные, пропитанные с ног до головы ужасами войны, всяк по своему, как будто бы и вразнобой, нескладно и непланово, они – то путём простых и ясных убеждений и агитации, то «большим горлом» и не терпящим возражения тоном, а зачастую и просто кулацкой расправой, постепенно проводили стройную систему построения власти Советов, отталкивали кулачество, купцов, попов, чиновников и весь контрреволюционный сброд от прямого руководства властью в селе и деревне.

Под их непосредственным воздействием земские управы и волости потеряли былое лицо полновластных хозяев района, и жизнь вначале все больше и больше стала смахивать к полному безвластию и самотеку, старые боялись управлять, - новые, еще не имея за собой массовой поддержки населения, не решались взять управление в свои руки.

Большим тормозом в развитии революционного движения на Севере является г. Тобольск. Этот мещанский и чиновничий городишко, – губернский центр громадной территории, с крепкими тюрьмами и жандармским управлением, долго стоял пугалом и прямым противником всяких революционных движений и действий. Тобольск оказался в хвосте абсолютно всей губернии, в хвосте медленно и предупредительно соскальзывал на контрреволюцию - (вспомните колчаковщину, белых и кулацкое восстание).

Тобольск ожесточенно боролся с «красной заразой», а революционная волна перехлестнула через его высокие колокольни и пошла гневом, и решительно гулять

по громадной территории Севера. Революционные силы сначала действовали вразнобой, кто как придумает, кто как захочет. Не обходилось и без сведения личных счетов, но основной напор был на купцов. Особенно доставалась купцам и купчишкам, которых царское правительство под тем или другим предлогом освобождало от призывов на войну.

Первым историческим сигналом к плану, сигналом захвата, организации и укрепления Советской власти на Уральском севере явилось воззвание революционной группы с. Демьянского во главе с Дорониным Ф.П., предложившей всем селам и деревням немедленно созвать Краевой съезд в с. Демьянском. Воззвание Демьянской группы большевиков нашло дружный отзыв на местах и съезд состоялся в феврале или марте 1918 года. На нем участвовало не менее 28 представителей северной части б[ывшей] губернии, уполномоченных общими сельскими собраниями. Из участников с мест знаю: от Субботы – Сереброва, от Самаровского – Домарев Петр, от Демьянска – Доронина Ф. П., Молокова Н., Доронина П. С.

Из этого небольшого села, в 200 километрах севернее Тобольска, впервые прозвучали [полные] огня и решимости, властные призывы:

«Приветствуем смелые и решительные действия Совета Народных Комиссаров»…

«Подати Тобольску не платить»…

«Держать связь через голову Тобольска с Омским Совдепом»…

«Зарядку» этот съезд дал добрую, на местах сразу же началось организация Советов. Первым на севере, наиболее деятельным и длительным оказался Берёзовский Совдеп с т. Кузнецовым, Котовщиковым, Шмуклёром К. Г. и Филипповым И.Ф. во главе. В Самаровском руководящую роль заняли: Захар Леонтьевич, Кошкаровы О. И. и А. С., Корепанов Е. И., Корепанов Павел и др.

Масса крестьянского и туземного населения слабо разбиралась в событиях, привязанная же к куску хлеба и всем прошлым к капиталистам и кулакам, испытывая их широкую закулисную обработку и угрозы, она на этом этапе революции или пассивничала, или шла на поводу у буржуазии. Только

впоследствии, когда нагайка белых, чехов и Колчака с прижимом прошлись по спинам крестьянства, когда они испытывали все «прелести» белого самовластия и террора, у них открылись глаза и они более решительно пошли по революционной дороге.

В начале весны 1918 года Тобольск занял красногвардейский отряд под командой чрезвычайного комиссара т. Демьянова А.Ф. С этого времени революционный строй в губернии принял определенную организационную систему, с живой связью и широкой агиткой, под непременным [лозунгом]: «Всем, всем, всем».

На берегу из Тобольска, на пароходе «Красная звезда» (б. «Станкевич») в начале лета вышел красногвардейский отряд под командой т. Пейселя. Пейсель немного не дошел до Берёзова, вынужденный выступлением чехов у Омска спешно вернуться в Тобольск. По дороге отряд т. Пейселя проводил агитационную работу и налагал контрибуции на буржуазию. Помню, в Самаровском к нему прикомандировался сразу же т. Макишев В.В., который, вероятно, и даст много ценного материала об этом отряде и размерах контрибуции.

Пред самым началом эвакуации красных частей и Совдепа из Тобольска (июль м-ц) в Тобольске заседал Ш-й крестьянский съезд, на котором я был делегатом от Самаровского района.

Помню характерные моменты: т. Дислер предложил мне председательствовать на съезде (я с ним познакомился в пути от Тюмени до Тобольска, когда бежал с кавказского фронта), - я отказался, т.к. в то время ничего не понимал в политике. Пред[седателем] съезда был продвинут т. Киселев, не избран, а именно продвинут Тобольской организацией большевиков. Кадет Панов и др. черносотенцы во время самого хода съезда, завопили, что Киселев не избран, а поставлен и потребовали голосования. Они в это время, очевидно, получили сведения о поражении красных частей под Омском и о подготовке к эвакуации г. Тобольска. Тов. Киселева проводили, тогда т. Дислер предложил мою кандидатуру, крестьяне поддержали, и мне пришлось председательствовать. В президиуме помню от Управы Тимофеева, от кадетов Панова, синдикалиста Благоволина и др. Попав в сплошную сеть

политики и тактики партии, я совершенно растерялся и по одному из вопросов поставил на голосование вопрос так: «Кто за Советскую власть, кто за учредительное собрание, поднимите руки». Дислер с места указал мне, что на территории Советской власти так вопрос ставить нельзя, а кадет Панов, которому я провалил какую-то цель, мотал головой и все время шептал: «Ах, как мы политически не образованы». Характерной чертой этого съезда была ярко выраженная ненависть крестьян к земским Управам и к Земству, - их они категорически и единогласно не хотели, а Советов многие побаивались.

III-й крестьянский съезд не окончился, - наши товарищи большевики эвакуировались ночью, забрав из казначейства и банка денежные суммы и ценности. Известие об эвакуации большевиками из Тобольска вызвало на съезде полную растерянность. Пришлось всю ночь выдавать справки делегатам, чтобы им быстрее добраться до дома. Крестьяне побежали. Назавтра же правые партии организовали собрание и выбрали комитет по охране «общественного спокойствия».

Тобольск пал, а север по инерции и необходимости продолжал жить советской жизнью – бежать ведь все равно некуда.

Пришли чехи на пароходах, с особой следственной комиссией во главе со Сташевским, и началась расправа с «советскими» за «Совдепы», за контрибуции, за просто «большевистские рожи». В Селияровском особо злобствовали купцы, поп Оболтин и старички: Власов г.г. («гад-гадыч»), Кузнецов Ф.Г. В волостном правлении по очереди секли совдепщиков: старика Осипа Кошкарова и Кошкарова Афанасия и др. секли шомполами и вожжами от итальянских штыков, секли упорно и с продергом. Я сейчас как живого помню старика Власова Ефима – бежит из волости с костылем, прямо цветет. Захлебываясь всем и каждому: «с секутья, с секутья. Эх, и вложили Совдепщикам». И опять семенит дальше, и опять: «Ну, и всыпали, мало ей турков. (эк[зекуцию] проводил офицер Турков, сын Тобольского купца). На революционном пути с ним была еще не одна встреча. Пошли аресты, в Самаровом был арестован Корепанов К. Л. и исчез потом неизвестно куда. Очевидно, его скоро же «пустили в расход». В Березовском чехи арестовали Совдеп в полном составе и в трюме парохода увезли в Тобольск. В Демьянске забрали

организатора Красного съезда т. Доронина Ф. П. (расстреляли в Троицко-советской тюрьме) и много других передовых борцов севера, вскоре ставших жертвами революции.

Белый террор загулял вовсю. Восстановились на бумаге земство и волости, фактически же управляла и расправлялась охранка и черная сотня.

И так до Колчака. А с ним еще крепче стал террор, еще сильнее обнаглела контрреволюция.

Тяжело прошла зима 18-19 года для Уральского Севера, а тут еще пошли колчаковские мобилизации. Колчаковская нагайка и террор, поголовное пьянство и порка белого офицерства и другой черной сволочи, активнейшая помощь им местных купцов, кулаков, попов и шаманов, проделывавших ужасные вещи, отрезвили мужиков, открыли глаза на классовый характер жизни, поставили перед ними в упор вопросы правды и права мозолистой руки.

Большевики стали как-то понятно своими, а их храбрые призывы уж не так-то невозможными… Особенно если бы вместе да гуртом навалиться на эту белую сволочь.

В войска к Колчаку 95% крестьянства упорно не хотело, но двигаться было некуда – дороги две: или к Колчаку, или в тюрьму без возврата. От Колчака к большевикам, к Красной армии, уж не так большая перебежка, там ребята свои – примут. Таково было общее настроение мобилизованных, а чтобы доказать, что не добровольцы, а мобилизованные, в Самаровском, например, в марте 1919 года, около 30 человек призываемых Колчаком, ввалились в волостное правление и, взяв за горло предателя «Савушку», вытрясли из него официальные справки, что они не добровольцы, а насильно мобилизованные. Справки зашили в сапоги, штаны, в общем, кто куда надумал, и пошли. Дошли до первых стычек с красными частями и перебежали в подавляющем большинстве. Последние ушли Гувалов на Север, захватив оружие [так в документе].

При Колчаке еще не везде на Севере были погашены революционные огни Советов. Далеко на Север в 500 километрах от Березова, у подножья седого Урала, в Саранпауле крепко засел отряд красногвардейцев в количестве 60-70 человек,

пришедший из-за Урала. Против этого отряда зимою [19]18-19 года была снаряжена из Тобольска специальная карательная экспедиция под командой «Знаменитого» палача Туркова, с офицерами Литвинским, Булатниковым, Кушниковым и Лушниковым.

Ранним предвесенним утром 1919 года Турков неожиданно напал на отряд, поджег дома, совершенно очевидно, что местное кулачье-зыряне принимали в этой бойне самое активное участие, и по всей вероятности они и подожгли дома, в которых жили красногвардейцы. Красногвардейцев перебили всех до единого. Победили с бедняг медвежьи папахи [так в документе], и в них отправили особо отличившихся в Тобольск с рапортом «о блестящей победе».

Отряд Туркова состоял из тобольских добровольцев, гимназистов и др. недорослей, поэтому тобольская буржуазия и мещане с особой помпой праздновали «победу» над большевиками в Саранпауле, а местная газета всячески превозносила «героев». Да, и в пути следования буржуазия, попы и чинуши (особо консервативным и контрреволюционным в то время было почтово-телеграфное ведомство) не отставали от Тобольска в напутствиях и встречах. Так, например, в Самаровском купечество в доме купца Соскина Б. устроило пышную встречу и угощение турковскому отряду. Одних только пельменей было приготовлено 10 000 штук.

Отряд Туркова по причинам ли весенней распутицы 1919 г., или по каким другим соображениям, остался в Саранпауле на весновку, которая затем уже по другим причинам продолжалась до начала 1920 года, когда красные партизаны и подшефные части Красной армии рассчитались с Турковым и турковцами за все, и за погибших товарищей-красногвардейцев и за издевательство над населением севера.

Весна и лето 1919 года, в первой части, на уральском севере без особых перемен: охранка свирепствовала по-прежнему, всех инакомыслящих, не к месту обронивших слово или улыбку, тотчас же определяли большевиками и беспощадно расправлялись. Охранка положительно заняла все, т.к. ее агентура здесь была очень велика, да и работала из-за страха перед красным строем на совесть. Всячески

помогая охранке, богатые и крепкоимущие, все же чувствовали какую-то неустойчивость колчаковщины, и фактически имея на местах всю полноту власти, не очень-то было уверены в ее прочности. Следствием этого явилось припрятывание товаров и др. ценных товаров «подальше», «впрок» прятали в речках и урманах.

А прятать было чего. У одного поганого купчишки с. Самарово Кузнецова И.Г. «козла» в последние годы империалистической войны его племянничек Кузнецов Яков цапнул шкатулочку с деньгами, в которой оказалось немного – немало 100 000 рубликов.

Часть розданного купцами по «добрым людям» на хранение, зажилилось, большинство же, очевидно и по настоящее время «кладами» лежит в земле.

Пролетарская кара скоро настигла мошенников как гром, часть их ценностей стала достоянием республики, а особо упорные унесли свои богатства на «тот свет», на «обед к осетрам».

Летом [19]19 года Красная Армия нанесла сокрушительные удары Колчаку на западном фронте, после которых и начался, сначала медленный, а потом все ускоряющийся темп отступления его войска в Западную и Восточную Сибирь, перешедший затем в паническое бегство. Как известно, главная масса колчаковских и «союзных» войск пошла вдоль линии Сибирской жел[езной] дороги к Дальнему Востоку, не забыт был ими путь – Омск и Тюмень на Тобольск и Томск. Этот водный путь, имея большое количество тоннажа – пассажирских и буксирных пароходов, барж, катеров и т.д., кроме того, являлся наиболее безопасным.

В начальный период эвакуации колчаковщины из Тобольска, я был здесь на кооперативном съезде, как инструктор Северосоюза. Инструкторская коллегия союза привлекла усиленное внимание охранки, т.к. в ней были такие инструктора, как старик Назаров Г.Я., впоследствии - член КК Уралобкома, Бершант – впоследствии следователь по чрезвычайным делам и прокурор, Расторгуев Н.В., Кривенко С., Овсянкин И.М., Португаль Борис и др. (Расторгуев и Овсянкин были убиты колчаковцами). Поэтому мы держали начеку и свою очередь, следили за работой отступающей сволочи.

Чувствуя, что все проиграно, весь колчаковский контрреволюционный сброд окончательно распоясался. Начались такие расправы, от которых волосы становились дыбом. Местная буржуазия, чиновничество, попы и весь контрреволюционный сброд «передовых людей», чувствуя, что все и навсегда потеряно дома, видя надежду на жизнь только в отступлении на Дальний Восток, стали сводить свои последние счеты с передовыми, революционно настроенными рабочими, крестьянами и трудовой советски настроенной интеллигенцией, беспощадно мстя за все отнятое, за весело-пожитое, сладко-еденое, в общем, за все то, что давал им старый умирающий строй.

Сосредоточив все внимание на главных силах Колчака, оперирующих вдоль железной дороги, Тобольский участок Красная Армия спокойно оставила в стороне, а затем и совсем во фланге. Это обстоятельство и было использовано колчаковщиной на проработку плана эвакуации, ее проведение главным образом на подготовку и проведение «настоящей» расправы с революционными работниками и со всеми инакомыслящими. В части эвакуации человеческой массы колчаковцами был применен сословный прядок или система: в первую очередь составляли список на «своих», им бронировались лучшие места на лучших пароходах, их отправляли в первую очередь. Затем шла обработка «нейтральных» – полусвоих, колеблющихся, – но таких, которые могли быть дельними работниками и у большевиков «по принуждению». Третью группу составила совсем иная категория – крамольников, большевиков и ненадежных. Для этих был «предоставлен» особый вид транспорта: трюмы барж и пароходов, наглухо закупоренных – вести их далеко ведь не собирались»[13].

Примечания:

[1] Гамбаров, А. Б. П. И. Лопарев / А. Б. Гамбаров. – Тюмень, 1958. – С. 3.
[2] Иванов, И. А. Борьба за установление Советской власти на Обском Севере (1917 – 1921 гг.) : Материал для лекций и докладов / И. А. Иванов. – Ханты-Мансийск, 1957. – 32 с.
[3] Гамбаров А. Б.; С.14.
[4] Прибыльский, Ю. Трагедия Платона // Ю. Прибыльский. Сибиряки. – Тюмень, 2000. – С.72 – 83.
[5] Гольдберг, Р. Платон Лопарев, коммунист / Р. Гольдберг // Тюменская правда. – 1989. – 28 июня.
[6] Петрушин, А. На задворках гражданской войны. Книга вторая / А. Петрушин. – Тюмень : Мандр и К, 2004. – 272 с.
[7] Патранова, В. Был ли партизаном «красный партизан»? / В. Патранова // Новости Югры. – 1992. – 18 июля.
[8] Прибыльский, Ю. Трагедия Платона // Ю. Прибыльский. Сибиряки. – Тюмень, 2000. – С.72.
[9] Цысь, В. В. Боевые действия на севере Западной Сибири в конце 1919 – начале 1920 гг. / В. В. Цысь // Западная Сибирь: история и современность. Вып. 6. – Тюмень: Мандр и К, 2004. – 99 – 112.
[10] Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. – Ханты-Мансийск : АО Изд. Дом «Новости Югры», 2024. – Том 6: Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации / отв. ред. Г. Е. Корнилов, В. В. Кондрашин. — 720 с.
[11] Академическая история Югры : в 8 т. – Ханты-Мансийск : АО Изд. Дом «Новости Югры», 2024. – Том 6: Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации. – С. 82.
[12] КУ «Государственный архив Югры». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-97.
[13] КУ «Государственный архив Югры». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-11.